

по этому вопросу, но я потом был приятно изумлен и утешен, когда, в последующих изданиях тургеневских рассказов, а в том числе и «Певцов», забравшаяся туда некстати и не к месту песня: «При долинушке стояла» исчезла, а на место ее водворилась имевшая на то полное и законное право «Не одна во поле дороженька пролежала»⁸⁰.

Воспоминания В. А. Инсарского появились еще при жизни Тургенева и не вызвали, насколько известно, никаких возражений со стороны последнего. Это обстоятельство позволяет считать рассказ мемуариста вполне достоверным и правдивым. Но трудно допустить, чтобы Тургенев мог совершить такую грубую ошибку, заставив своего певца исполнять песню, не соответствующую тому настроению, которое она, по его описанию, возбуждала. В. А. Инсарскому, видимо, было неизвестно, что существуют два типа песни «При долинушке». Сюжетом песни, как и в «Дороженьке», является вынужденная разлука молодца и девушки. Это песнь — шутливая и ироническая; но с мотивами веселой иронии и насмешки перемешаны в ней и скорбные, грустные ноты. Девушка ломает калину и бросает пучки, чтобы их «приметил» и вернулся к ней ее «милый друг». Но дружка не пускает к ней его мать; она грозит сыну навсегда приковать его «к каменной палате.» Молодец соглашается, но с условием, что будет прикован «к девичьей кровати»:

Я близ девичьей кровати
Рад год годовати,
Рад год годовати,
Рад век вековати.

И далее песня, действительно, переходит в плясовую: у девушек — вечеринка; они веселятся, поют песни, пляшут:

Девки пляшут, девки скачут⁸¹.

Инсарскому, очевидно, был знаком только этот тип данной песни, между тем имеется ряд текстов, в которых преобладают мотивы драматического характера и в которых содержится проклятие замужеству. Таков вариант, сохранившийся в записи Киреевского, сделанный — что важно отметить — в одном из районов той же Орловской губернии, где наблюдал состязание Тургенев. Текст Киреевского является наиболее полным и наиболее художественным из известных записей этой песни⁸².

Тексты с напевами опубликованы в сборниках Мельгунова и Прокунина, в последнем сборнике она включена в раздел протяжных и почти полностью совпадает с текстом Киреевского⁸³. Напев ее (в противоположность записи Мельгунова) очень лиричен. Песня, которую пел Яков, принадлежала, несомненно, к этому второму типу, и в ее исполнении певец сумел проявить свое великолепное мастерство, искусно сочетая веселые и скорбные мотивы и передав с пленительной задушевностью и страстной силой настроение юноши, разлученного с любимой девушкой.

Однако Тургенев с большим вниманием отнесся к возражениям Инсарского. Из его слов Тургенев понял, что существуют и очень распростра-

⁸⁰ В. А. Инсарский, Половодье, С-Пб., 1875, стр. 139—140. Этот же рассказ в более краткой редакции включен в его последующую книгу: «Записки Василия Антоновича Инсарского, часть вторая», СПб., 1898, стр. 309. В этих же «Записках» автор сообщает, что Тургенев и сам принимал участие в исполнении народных песен у В. Ф. Одоевского и «был одним из самых прочных и послушных хористов» (там же).

⁸¹ См. Соболевский, V, № 532—534.

⁸² Киреевский, II, ч. 1, № 2078.

⁸³ Ю. Мельгунов, Русские народные песни, непосредственно с голосов записанные и с объяснениями. Вып. I. М., 1879, № 27. Под нотами подтекстована только одна строфа, текста второй строфы у Мельгунова нет. Записано в Калужской губ. В. Прокунин. Русские народные песни для одного голоса. Под ред. П. И. Чайковского. М.—СПб., 1897, № 16. Записано в Моршанском уезде Тамбовской губ. В сборнике Прокунина данная песня охарактеризована как «протяжная», у Мельгунова — как «хоровая».